

Л.В.Кузнецова

АРХЕОЛОГ И ХУДОЖНИК МИХАИЛ МАТКИН.

Грядущее на все изменит взгляд.

Б. Пастернак

Успехи в изучении археологии края связаны с именем профессора В.В. Гольмстен, деятельного члена Самарского Общества археологии, истории, этнографии и естествознания (СОАИЭиЕ), преподавателя Высших этнолого-археологических курсов, заведующего музеем общества. Разумеется, Вера Владимировна смогла многое достичь благодаря своим ученикам. Позднее некоторые из ее бывших учеников стали знаменитыми археологами, докторами и кандидатами наук: К.В. Сальников, М.М. Кобылина, А.И. Тереножкин. Успешно трудился в Туркменистане А.А. Марущенко, а в Госэрмитаже - В.П. Мизинова. Многие самарские историки помнят лекции востоковеда В.И. Маркова, также начинавшего свое образование на Высших этнолого-археологических курсах.

Среди этой плеяды был один человек, который выделялся из среды учеников своим возрастом, и на долгие годы, до конца своей жизни, сохранивший верность своему учителю. Речь идет о Михаиле Григорьевиче Маткине.

*Мир казался нам сказочным, огромным,
А не обыкновенным и простым.
Хотя в ту пору мы не были пешками,
Мы сами месили тесто истории.
Мы были юными, мы не мешкали
Добиться правды в неравном споре.*

Р.Ивлев

М.Г. Маткин, коренной самарец, родился в семье владельца кустарной мастерской 1 ноября 1889 г. У него рано проявились склонности к черчению и рисованию. И, благодаря этому, он получил

среднее образование, стал работать учителем рисования. К моменту знакомства с В.В. Гольмстеном Маткин жил вдвоем со своей старшей сестрой Марией Григорьевной Давыдовой, работающей санитаркой на станции "Скорой помощи". Вероятно, тихий, размеренный образ жизни все же не удовлетворял Михаила Григорьевича. В свои тридцать с небольшим лет он вновь пошел учиться: стал слушателем первого набора Высших археологических курсов. Для сравнения его со-курсник А.А. Марущенко в декабре 1920 г. имел возраст 16 лет 8 месяцев. Вместе с ними в одном потоке учились А.А. Смирнов, М.М. Кобылина, В.П. Мизинова, Г.П. Плющенко, К.А. Кузьмин, Н.П. Зубцова и др.¹ Кроме теоретической подготовки по истории, археологии, геологии, музееведению и т.п. один триместр слушатели проводили на археологической практике, выезжая на археологические памятники в районы. М.Г. Маткин - неизменный спутник В.В. Гольмстен. Он одним из первых овладевает методикой поиска новых памятников и здесь очень пригодился его художественный талант. Почти все схемы, планы и зарисовки, оставшиеся в архивах полевых исследований В.В. Гольмстен, выполнены его рукой.²

С 1922 года Михаил Григорьевич начинает самостоятельные поиски. 1 мая вместе с А.А. Марущенко он обнаружил древнее погребение в районе каменоломен на р. Самаре, на окраине города, и раскопал его.

11 мая он обнаружил кремневые орудия на Барбашиной поляне (Поляна им. М.В. Фрунзе). 14 мая принял участие в экскурсии на Самарскую Луку, где был осмотрен могильник в районе Рождественно-Новинки и городище у с. Шелехметь.

28 мая поход был продолжен от Рождественно в сторону Выползово и Подгор, а 23 июня в Царевщину и Ширяево.

2 июня вновь ознаменовалось открытием. На этот раз Маткин обнаружил выходы культурного слоя эпохи бронзы в районе перегона 119-122 версты Северо-западной железной дороги, на реке Самаре.

1922 год - год открытия известного памятника палеолита - Постникова оврага³. Свое название овраг получил от фамилии известного не только в Самаре доктора Н.В. Постникова, открывшего здесь в конце 50-х годов прошлого века кумысолечебное заведение - первое в России. До этого названия овраг известен, как Винный (ныне овраг Подпольщиков).

В августе 1922 года в Самару из Иркутска вернулся К.П. Головкин. Он был действительным членом Самарского Общества археологии, истории, этнографии и естествознания, куда был принят заочно 29 августа 1920 г. В Иркутске он сотрудничал с известным археологом Б.Э. Петри и вел самостоятельные раскопки на палеолитическом памятнике Верхоленская гора. В лице Маткина Константина Павлович нашел такого же, как он сам, неутомимого искателя. Через месяц после прибытия Головкина в Самару, они вдвоем уже осматривают ее окрестности. В устье Постникова оврага, на берегу р.Волги, Головкин прогнозирует удобное место расположения стоянки каменного века. В подтверждение его слов в осыпях они собирают кремневые отщепы, сколотые рукой человека.

После этого похода Михаил Маткин не оставляет больше места находок без внимания. Вплоть до ноября он при каждом удобном случае производит осмотр бортов оврага и дна ручья. И, наконец, удача! В конце ноября он обнаруживает то, что искал - культурный слой эпохи камня. Впервые в Поволжье был открыт археологический памятник такой древности. Это открытие в какой-то мере определило научную специализацию Маткина. Его интересы сосредоточены на изучении самых древних археологических памятников. Он самый активный раскопщик в Постниковом овраге, который В.В. Гольмстен начинает изучать в 1924 г., а заканчивает - в 1926 г. Но и в последующие годы Михаил Григорьевич продолжает наблюдения за культурным слоем памятника, производит сборы, делает небольшие раскопки осыпающихся берегов. Все планы, схемы и полевые чертежи выполнены его рукой. Но он не был только техническим исполнителем. До наших дней дошел интереснейший документ: Протокол заседания археологического кружка слушателей курсов от 27 октября 1925 года⁴. Маткин в то время работал помощником заведующего музеем Общества АИЭиЕ, т.е. В.В. Гольмстен. На заседании он сделал доклад "О геологических условиях залегания Постниковой стоянки в связи с другими палеолитическими стоянками". Михаил Григорьевич возражает против мнения профессора П.П. Ефименко, который считал, что Постников овраг - стоянка протонеолитическая. Он настаивает, что она более древнего возраста и отмечает большое сходство ее и стоянки Карабаровской (Л.К. - на Оке). Его поддержива-

ла В.П. Мизинова и высказала очень зреющую мысль, которая стала очевидной для советских археологов лишь где-то в 60-е годы. Она отметила, что П.П. Ефименко, как ученик французской школы основывается лишь на сходстве форм, забывая о том, что при одной и той же технике, в одно и тоже время могут быть разные формы. А кроме того, орудия Постникова оврага носят следы не отжимной техники, а сколотой.

В подтверждение вывода о древнем возрасте памятника (речь шла о нижнем культурном его слое) Маткин рисует картину времени и последовательности отложения галечных прослоек в разрезе оврага и двух горизонтах нижнего культурного слоя. Зрелость этих суждений и сам подход к анализу памятника позволяет отдать должное как таланту Веры Владимировны, не только давшей знания, но и научившей своих учеников мыслить, так и незаурядности самих учеников, которые в своих выводах шли дальше учителя. (В.В. Гольмстен в своей публикации по Постникову оврагу все же осталась на позициях П.П. Ефименко)⁵.

М.Г. Маткин принимает участие почти во всех археологических экспедициях СОАИЭиЕ. Он участвовал в раскопках курганного могильника у с.Березняки, затем у хутора Истомина, у Кирпичных Сараев. В разведывательных походах Восточной экспедиции (1925 г.), Северо - восточной экспедиции (1927 г.), 2 Восточной экспедиции (1926 г.) и др. Но особый интерес он уделяет самым древним памятникам. Неоднократно он ездит на раскопки в Кравцово Бузулукского уезда, где были найдены костяные гарпуны, выезжает в Кинель, где в районе мельницы раскалывает скелет мамонта. В 1926 г. вдвоем с А.И. Тереножкиным исследует под Воскресенским спуском местонахождение бивня мамонта вместе с кремневыми отщепами⁶. Немногочисленные фотографии, переданные в фонды Самарского краеведческого музея бывшей слушательницей курсов Н.А. Муморцевой, запечатлели моменты выездов на археологические памятники под руководством В.В. Гольмстен. На всех фотографиях неизменно присутствовал М.Г. Маткин (фото). По воспоминаниям современников он был человеком тихим и деликатным. С детства воспитанный в православной вере, он остался до конца жизни верующим человеком, но в тоже время преданным науке. Все знавшие Михаила Гри-

Слушатели Курсов на раскопках. Сидит слева - В.В. Гольмстен,
стоит - М.Г. Маткин.

горьевича отмечали его трудолюбие и любовь к своей работе, заполнившей даже его личное время. Увлекаясь археологией, М.Г. Маткин не оставлял и другого любимого занятия. В качестве художника он участвовал в оформлении изданий справочников "Вся Самара за 1925 год" и "Вся Самара за 1926 год". Какое-то время преподавал рисование на Высших археологических курсах⁷.

Материальная сторона жизни оставляла желать лучшего. Сохранилась справка, которую готовила В.В. Гольмстен на наиболее нуждающихся слушателей и сотрудников СОАИЭиЕ. Михаил Маткин стоит в этом списке на первом месте с пометкой в графе - верхняя одежда⁸. Но все эти трудности компенсировались, вероятно, удовлетворением от грандиозной первооткрывательской работы, которая велась в Обществе АИЭиЕ, в археологическом музее общества, где работал Михаил Григорьевич. Возглавляла эту работу В.В. Гольмстен, которую он бесконечно уважал, а вокруг были единомышленники, бывшие слушатели курсов. Однако наступали тридцатые годы - вре-

мя политических и идеологических чисток. В 1929 году В.В. Гольмстен уезжает из Самары в Ленинград. Вскоре музей СОАИЭиЕ сливается с краеведческим музеем.

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить - не поле перейти.*

Б. Пастернак

В краеведческом музее М.Г. Маткин работал в историческом отделе. Работа эта под руководством Б.А. Латынина была интересной, так как ему довелось участвовать в строительстве новой экспозиции по истории края, начиная с древнейших времён⁹. Однако в 1936 году Борис Александрович был репрессирован, а на музей стал надвигаться идеологический каток, подминавший всё и вся на своём пути. Даже такой безобидный, аполитичный человек, как Маткин, не вписывался со своей преданностью работе, а не идеологической линии, в новую "счастливую" жизнь советских людей, освящённую идеями марксизма-ленинизма.

Музеи, как идеологические учреждения, должны были провести чистку своих рядов и подтвердить приверженностьциальному курсу. Процесс этот ранее начался в центральных музеях и институтах и, наконец, докатился до Куйбышева. У краеведческого музея был один "грех" - осужденный сотрудник музея Б.А. Латынин. Он был арестован в 1936 году и нужно было отрапортовать, что в коллективе больше нет "ереси".

Совещание коллектива музея состоялось 21 апреля 1937 года. Основной докладчик - директор Мартиросов - подверг критике экскурсии, которые проводились в отделе истории (заведующий К.А. Кузьмин). Корень зла, по его мнению, лежит в том, что экспозиция отдела строилась людьми (подразумевается Б.А. Латынин), которые не были вооружены марксистско-ленинской исторической наукой. Если бы мы проявили "большевистскую бдительность, мы не допустили таких экспозиций"¹⁰. Попутно Мартиросов подверг критике деятельность В.В. Гольмстен, покинувшей Самару в 1929 г., упрекнул её в слишком вещеведческом подходе и даже усомнился в её компетен-

тности как специалиста. Первым же выступающим в прениях был М. Маткин. Он указал на заслуги В.В. Гольмстен, а также попытался оправдать Б.А. Латынина, напомнив всем, что тот строил экспозицию исторического отдела не по своему плану, а взял образцы в музеях Москвы и Ленинграда, т.е. ведущих центров. Возразил, что музей и должен прежде всего показывать вещи, а не плакаты и лозунги. Выступление было достаточно корректным, но шло вразрез с тем, что должно было искренне или не искренне прозвучать на собрании. М. Маткин, как человек беспартийный и не подкованный в политических играх, невольно подставил себя под удар. Резолюция собрания, вместо того, чтобы сдержать общие места критики и самокритики, а затем уверения в преданности генеральной линии партии со стороны коллектива музея, обернулась против него.

Сотрудник Кузнецова: "Я считаю, что такое выступление т. Маткина демобилизует в части вооружения большевизмом, а не мобилизует. Брать под защиту Латынина после того, как т. Мартиросов вполне осознал, что экскурсионный план его был совершенно неправилен, будет неверным шагом."

Мартиросов: "... врагов нечего защищать. Латынин изолирован органами советского государства, им намного виднее, чем нам с вами."¹¹ Понял ли Михаил Григорьевич, что этот гражданский поступок будет иметь роковое значение в его дальнейшей судьбе? Но этого было мало. Очередное совещание в музее, состоявшееся 27 мая 1937 года обсуждало вопрос антирелигиозной работы в краеведческом музее. И опять в протокол попадает фамилия Маткина.

Тов. Матерова: "В нашем музее нужно также проводить антирелигиозную работу с некоторыми товарищами, например, с Маткиным, чтобы перестроить его мировоззрение"¹². Круг замкнулся. Сигнал поступил "наверх" и вскоре Маткин уже не работает в музее. По свидетельству его сестры, до ареста он работал в тресте геологической разведки и художником в местной газете. Произошло отлучение от любимого дела, а в середине октября 1937 года произошел арест.

С момента собраний и до осени прошло несколько месяцев. Органы безопасности за это время подбирали другие кандидатуры, чтобы сфабриковать дело посолиднее. Так было проще вести следствие

и не утруждать себя поиском компромата на каждого арестованного. Следственное дело № 7884 касалось контрреволюционной организации, ставившей своей целью проведение террора, диверсий и шпионской работы. По нему проходили:

1. проф. Сырцов Анатолий Иванович,
2. Никулин Петр Ефимович,
3. Волков Георгий Владимирович,
4. Некрасов Леонид Измайлович,
5. Дылдин Владимир Васильевич,
6. проф. Арапов Владимир Петрович,
7. Эрлих Владимир Яковлевич,
8. Философов Марк Дмитриевич,
9. Маткин Михаил Григорьевич,
10. Месняева Клавдия Валериановна.

Люди, многие из которых даже не знали друг друга в лицо, оказались заложниками политической игры органов безопасности.

Поводом для ареста М.Г. Маткина послужило, якобы, его высказывание: "Все эти процессы нужны были Сталину, чтобы удержаться, а мы невольно стали убийцами его политических врагов, т.к. сами выносили им приговор. Мы сейчас переживаем, как сказано в Святом писании, звериное время"¹³. Его ли это слова или они сфабрикованные, за отсутствием состава преступления, следствием? Нам уже не узнать этого.

Дело "десяти" "шилось" быстро и не мудрствуя лукаво. Не утруждая себя доказательствами, органы просто вешали на каждого ярлык. У Маткина он звучал так: "Будучи убежденным монархистом и религиозным фанатиком, питал звериную ненависть к коммунистам. В годы гражданской войны в чине офицера Колчаковской армии боролся против Красной Армии и участвовал в вооруженном восстании против Советской власти в г. Вольске и Балакове. С 1930 г. был членом и руководителем антисоветских организаций. Создал группу в краеведческом музее..."¹⁴.

В деле каждого осужденного - только по одному протоколу допроса, подписанного каждым собственноручно. Потом только станет известно, что таких допросов было несколько и "добровольное" признание своей вины было выбито с помощью применения силы.

Протокол допроса М.Г. Маткина, где он признает себя виновным, датирован 30 декабря 1937 года, а 31 декабря 1937 года тройка выносит приговор - расстрел. 14 февраля 1938 года обрывается жизнь М.Г. Маткина и еще восьми мужчин, проходивших по этому же делу. К.В. Месняевой была определена высылка в лагерь.

Дело было сдано в архив, а для родственников погибших с октября 1937 года началась трагедия неизвестности.

Мария Григорьевна Давыдова обращалась с просьбой сообщить о судьбе брата к М.И. Калинину. После чего из НКВД получила ответ, что ее брат выслан в дальние районы на 10 лет без права переписки. В 1946 году ей была выдана через ЗАГС справка о том, что М.Г. Маткин скончался от склероза сердца 10 июня (!) 1937 года, т.е. еще до своего ареста в октябре. Что это было? То ли простой сбой в бездушной карательной машине, то ли кто-то попытался таким образом обратить ее внимание на заведомую ложь документа? В архивном деле Маткина в копии этой же самой справки внесены чернилами поправки - цифра 37 исправлена на 45!¹⁵.

Не известно, дожила ли Мария Григорьевна до 1956 года, когда по настоянию родственников осужденных дела № 7884 было пересмотрено. Стало ли им немного легче от того, что еще в 1940 году был осужден за незаконные методы ведения следствия по этому делу начальник 4 отдела УНКВД по Куйбышевской области Деткин? Наконец, они могли не доказывать окружающим давно известную только им истину - их родные не виновны. Дело было ошибочным и прекращено за отсутствием состава преступления.

С М.Г. Маткина были сняты все нелепые обвинения в белогвардейском прошлом, но некому было получить справку о его реабилитации. До недавнего прошлого на многих архивах, а особенно архивах органов госбезопасности, лежали запреты и сведения по реабилитационным делам выдавались только близким родственникам.

В наши дни, когда снята завеса секретности над нашим прошлым, мы как бы заново открываем для себя недавнюю историю страны, страшную по своему цинично-пренебрежительному отношении к Человеку, лишавшую миллионы своих граждан жизни для доказательства правоты какой-нибудь коммунистической доктрины. Этот трагический путь пришлось пройти и скромному художнику и археоло-

гу Михаилу Григорьевичу Маткину, гражданину нашего города, по мере своих сил служившему на благо его науки и культуры.

Сейчас, когда мы начинаем отдавать должное выдающимся деятелям нашего города, надо добрым словом вспомнить и их соратников, учеников, последователей. Пусть они не достигли высот своих учителей, но именно их будничная работа обеспечила успешную реализацию идей и успех деятельности первых. Одним из этих людей и был Михаил Григорьевич Маткин.

Примечания

1. ГАСО, Ф.558, оп. 1, Д.40, л.76
2. Эти графические иллюстрации археологических отчетов были явлением довольно прогрессивным для 20-х годов. Тогда методика археологических исследований не требовала обязательного фиксирования объектов на плане или рисунке. В.В. Гольмстен оказалась в числе пионеров, практикующих сочетание текста и изображения в отчете.
Сохранилось высказывание П.П. Ефименко о качестве ее отчета за 1927 г. "Отчет В.В. Гольмстен составлен с обычной для ее отчетов исключительной пунктуальностью, подробностью и полнотой. Отчет иллюстрирован не только картой, планами мест раскопок, но и множеством рисунков, дающих исчерпывающую характеристику находок экспедиции". ЛОИА. АН СССР, оп. 1, ф. 2, В.В. Гольмстен. Переписка. д. 150, л. 2. ЛОИА АН СССР /ИИМК РАН/, Ф. 44, д.1, л. 1-6
3. Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников овраг - археологический памятник эпох камня - средневековья. //Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987, с. 3-20.
4. ГАСО. ф. 558, оп.1, Д.110,л.1-3
5. Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение, Ч.1, Самара, 1924.; Археологические памятники Самарской губернии //Труды РАНИОН (секция археологии), т.4, М., 1928, с. 125-129
6. ЛОИА АН СССР, Ф.44, Д.13, рисунок-схема М.Г. Маткина.
7. ГАСО, Ф. 558, оп.1, Д.126, л.19.

8. ГАСО, Ф. 558, оп.1, Д.40, л.24
9. Некролог "Борис Александрович Латынин (1899-1967 гг.)"//
СА, № 1, 1968
10. ГАСО, Ф. 4374, оп.1, Д.30, л.1
11. Там же, л.7
12. ГАСО, Ф. 4374, оп.1, Д.30, л.11
13. Архив УМБ по Самарской области, Д.П-5796, т.1, л.3
14. Там же, л.161-164
15. Там же, т.3, л.120